

Человек толпы. XXI век (часть вторая).

Язык для толпы: бои без правил

В начале было Слово.
Евангелие от Иоанна (гл. 1, ст 1)

Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх того, то от лукавого.
Евангелие от Матфея (гл. 5, ст. 37)

История вопроса и его современные реалии

Ил. 1. Иероним Босх «Несение креста» (фрагмент)

Роль языка в обществе многофункциональна и могущественна. Помимо выполнения своих очевидных социо-коммуникативных функций он выступает носителем и устройте-лем, а далее и хранителем смысла в социуме и культуре, что и является его основной, непреходящей и великой цивилизационной миссией на протяжении всей истории существования человечества. А поскольку в первой части статьи мы опытным путем в ходе сложнейших «умозаключений» уразумели, наконец, что все-таки сознание определяет бытие, то слово, выступающее в качестве основного продукта и способа функционирования сознания в обществе, очевидным образом является основным инструментом не только коммуникации, но и управления бытием как отдельного человека, так и общества в целом.

Сразу оговорим, что нас в первую очередь интересует именно феноменология социокультурного аспекта соотношения «язык – общество», их взаимосвязи и взаимовлия-

ния. В связи с этим обратим внимание на то, что в наши дни уже вполне очевидна преемственность с традицией формирования единого сознания членов социалистического общества посредством манипуляций с массовым сознанием, склеенным СМИ и самой МК воедино, вплоть до полностью управляемого и контролируемого состояния. Она жива поныне, будучи модернизированной в соответствии с велениями нашего времени, повелевающего все тотально модернизировать, и также обеспечивает в итоге духовную «однозначность» социума, в былые времена с яростью и негодованием вменяемую едва ли не в первую вину советской тотальной идеологии диссидентствующей, «сильно продвинутой во всех отношениях», и потому опередившей общество (каковой она себя осознает и до сих пор), его частью. «Страшно далеки они от народа», но все про его нужды хронически знают. И, конечно, в основном это представители интеллигенции – «штатные лучшие и умнейшие» в обществе, по самоназванию. Так они позиционируют себя, а общество, странным образом, как под гипнотическим воздействием, вовсе не сопротивляется такому положению, несмотря на революции, перестройки и другие социальные катаклизмы, ими спровоцированные. Еще один загадочный и уникальный социокультурный феномен нашей страны, когда малая, возникшая по историческим меркам совсем недавно, и по большей мере не знающая из каких глубин, часть общества объявила себя избранной во всех отношениях, безо всяких на то оснований – будь то социального, юридического, морального или культурного порядка. Вот уже почти два века как общество послушно этому подчинилось. Более того, оно в итоге исправно осуществляло все ее – интеллигенции безумные задумки, каждый раз ввергая себя в кровавый абсурд и ужас волнений, смут, восстаний и революций. Но это в сторону, это предмет отдельного серьезного разговора. Однако, – интересно!..

Между тем, в процессе перестройки очень скоро и очевидным образом стало ясно, что, на самом деле, сама суть механизма оболванивания масс в обществе вовсе и не изменилась, тем более, что клишированное и единообразное сознание масс страны Советов, последовательно формируемое на протяжении 70 лет и как идеологически единый монолит идеально воспринимающий нужную информацию, насчитывало уже несколько поколений и никуда не делось. Только вот вождьленное управление сознанием масс взяли в свои руки они, те самые диссиденты, интеллигенты, лучшие и умнейшие, ставшие, наконец, вполне легитимными, либеральными и еще более продвинутыми во всех отношениях идеологами вождьленной эпохи. А поскольку, помимо всего прочего, больше всего они жаждали плюрализма (желательно во всем и сразу), то и содержание «работы с массами» или иначе с

толпой соответственно должно было стать многообразным во всем (плюрализм «всеж!»). Содержание, но не механизм воздействия, поскольку, как мы уже отмечали выше, был сформирован единообразный субстрат сознания, который ведь не изменился за ближайшие годы, будучи по биологическим характеристикам устойчивым и не видоизменяемым с такой легкостью.

В наших реалиях задача перестройки всего и вся, при готовности единообразной толпы к управлению, с формированием плюрализма ее мнений, концепций и идей на первый взгляд кажется абсурдной в части ее выполнения... Но это только на первый взгляд. Если при социализме и вообще в тоталитарном обществе по определению действует единая государственная система пропаганды или утюжения мозгов, продуцирующая при помощи единообразных идей, лозунгов, а, в конечном счете, клише, единообразие сознания, то особая хитрость нашего времени заключается в том, что и поныне, будучи унаследованным, работает все тот же, только, несколько скорректированный, механизм тотального, но уже плюрализма. Как это происходит?

От корня к корневищу. Ризомизация культуры

Ил. 2. Д. Энсор «Автопортрет с масками»

Каким образом обеспечивается плюрализм мнений и всего на свете? Вот тут и возникает модное нынче в философии постмодернизма понятие ризомности культуры, сознания, психики и современного общества в целом, как нельзя лучше подходящее к характеристике трансформаций в них, когда на подготовленный прежней идеологией единый пласт сознания ложатся многообразные и стремительно меняющиеся выкройки либерально – плюралистической идеологии, конструирующие для него самые разнообразные одеяния – идеологемы. Единый корень традиционной культуры соответственно распадается на множество ответвлений, корневищ, клубеньков –

ризом. Это касается не только постперестроечной идеологии, но и всей культуры в целом. Нет, не напрасно агробиология обозначается в английском языке как агрокультура. Уж

очень много схожего с человеком и способами его мироустройства, а, в конечном счете, и культурой. Которую точно так же надо возделывать и обязательно по правилам, отработанным и проверенным веками – иначе, как и с растениями – не будет плодов! А ризома, в любом случае, – результат приспособления и в итоге вырождения. В результате возникает «Тысяча плато» – Ж. Делеза и Ф. Гваттари – отважных постмодернистов, выковырявших для своих методологических нужд в изучении проблем современной культуры не полноценный корень, а ризому, представляющую из себя переродившиеся корешки, клубни. Вообще в биологии ризомой называется ползучий кореноподобный подземный стебель некоторых растений, растет горизонтально. Из ризома бесполовым образом образуются побеги и корни растений.

Соответственно возникает сакраментальный вопрос: а почему основатели теории ризомы в философии Ж. Делеза вкупе с психоаналитической концепцией Ф. Гваттари обратились за методологическими аналогиями в анализе культурологических проблем социума не к закономерностям и законам развития растений, а по сути – к отклонению в их развитии – ризоме. Ответ на этот вопрос удивительно прост: нужды такие, и теория ризомы идеально ложится на теорию плюрализма в обществе именно как методология. А то, что речь идет практически об отклонениях и там, и там – и в агро- и человеческой культуре (вспомним – аномии – в последней) – это не пугает, поскольку нужен плюрализм, создание через него контекста тотального отчуждения, а в итоге разрушения. По делам их судите...

Показательна цитата из книги Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Тысяча плато»:

«Ризома может быть разбита, разрушена в каком-либо месте, но она возобновляется, следуя той или иной своей линии, а также следуя другим линиям. На муравьях все не заканчивается, ибо они образуют животную ризому, большая часть которой может быть уничтожена, но при этом она не перестает самовосстанавливаться. Любая ризома включает в себя линии сегментарности, согласно которым она структурирована, территориализована, организована, означена, атрибутирована и т. д.; но также и линии детерриторизации, по которым она непрерывно ускользает. В ризоме каждый раз образуется разрыв, когда линии сегментарности взрываются на линии ускользания, но и линия ускользания является частью ризомы. Такие линии без конца отсылают одни к другим. Вот почему мы никогда не можем отдаться дуализму

или дихотомии, даже в рудиментарной форме хорошего или дурного. Мы создаем разрыв, проводим линию ускользания, но всегда рискуем обнаружить на ней организации, рестратифицирующие совокупность, образования, возвращающие власть означаемому, атрибуции, восстанавливающие субъекта, — все, что хотим, от эдиповых возрождений до фашистского отвердения. Группы и индивиды содержат микрофашизмы, требующие только кристаллизации. Да, пырей — тоже ризома. Хорошее и дурное могут быть лишь продуктом активного и временного отбора, каковой следует возобновлять» (см.: Ж. Делез, Ф. Гваттари «Тысяча плато. Капитализм и шизофрения» – М., У-Фактория, АСТ, 2010).

Это яркий пример отважного использования описания предмета из другой области знания в философии и более того в методологии философского рассуждения с далеко идущими социальными и культурными последствиями, как это и было с интеллектуальными играми постмодернистского разума 60-х годов прошлого столетия, густо замешанными на закваске психоанализа вплоть до наших дней. Как тут не вспомнить роковой постулат классика марксизма-ленинизма о том, что прежние философы объясняли мир, а надо его изменить. ... Уже век мы живем по нему, и век наш – век человечества – близится, очевидно, к концу, поскольку «...в ризоме каждый раз образуется разрыв, когда линии сегментарности взрываются на линии ускользания», но потом оказывается, что «... линия ускользания является частью ризомы». Именно поэтому и о, ужас: «вот почему мы никогда не можем отдаться дуализму или дихотомии, даже в рудиментарной форме хорошего или дурного...». Такая вот интеллектуально-снобская вязь мысли, конечно же никак не могущей «отдаться» – и далее по тексту – нет смысла воспроизводить, поскольку ведь «...все равно линии сегментарности...» и так до бесконечности... Ну да, король голый, но ведь сколько сил было потрачено на то, чтобы никто этого не увидел, а, наоборот, разглядывал, осмыслял, а самое главное – реализовал постмодернистский дискурс культуры и жизни в целом, и трактовал символику, стиль его одеяний, материалы и способы их изготовления. А с другой стороны – чем бы дитя не тешилось... На сей раз дитя это – философическая толпа – есть и такая. И ведь хороша обманка для внедрения разрушительной идеи ризомности как в самое культуру, так и ее осознание, далее самоосознание. Дальше дело пойдет. Вспомним разные скандальные, а теперь вовсе и не скандальные биеннале,

перформансы и хеппенинги – главное, чтобы народ воспринимал всерьез. А там уже и трава культуры не растет...

Язык для управления в контексте культуры глобализма и плюрализма

Оглядываясь в глубины недавней истории, удивительная догадка приходит в голову: глобализм с его плюрализмом и единообразный авторитарный тоталитаризм теперь уже не только близнецы-братья, но и навек отныне. Уж очень много у них общего, и чем дальше, тем больше. Попробуем доказать, что это не парадокс нашего времени, а путь к тотальной глобализации человеческой культуры в целом и в этом контексте плюрализм массовой культуры и СМИ есть лишь средство для достижения этой генеральной цели. Да и по сути, глобализация предполагает в конечном итоге тоталитаризацию на этот раз всего. Так и просится – тотальную тоталитаризацию человеческой цивилизации.

Ил. 3.

Основным средством для осуществления задач глобализации также выступает язык. И еще неизвестно, что страшнее для социума – если иметь в виду социальные, культурные, психологические вместе с физическими последствия глобально-плюралистического социокультурного процесса тотального опрощения языка, поскольку речь идет о сознании, определяющем бытие социума и отдельного индивида. Нам видится едва ли не планетарный масштаб проблемы.

Каким образом человечество вышло к ней, или вернее – дошло до жизни такой? В сфере культуры, искусства и идеологии с давних пор существовал институт столь ненавистой всем цензуры, помимо своих идеологических, запретительных функций, определяющий, в том числе, и пределы дозволенного в гуманитарной сфере социума в рамках традиционных, моральных и культурных ценностей наличного времени. Тем самым сохранялась и общая преемственность культуры. Что сейчас? Говоря по столь любимому нашим временам, по уголовному наблюдается «беспредел» – что хочу, то и говорю и пишу, иначе – внедряю в сознание масс. Свобода и плюрализм, одним словом! И безо всяких правил! Хотя куда без них в языке, который по определению выстраивается по правилам и только, живом до тех пор, пока они соблюдаются, не из пальца высосанные, а прошедшие

через века и являющиеся способом, условием и законом его жизнедеятельности. Но нет. – Никто и ничто не указ? За исключением либеральных идеологов плюрализма, которым само понятие цензуры даже в традиционном ее понимании и применении как соблюдения проверенных временем норм и правил, хронически омерзительно. А потому – они с такою же непреходящей отвагой и уже в который раз будут «строить» (даже это славное слово приобрело полууголовный двусмысленный оттенок), в том числе и язык – по принципу: «мы наш, мы новый мир...» теперь уже плюралистической свободы. Как видим, суть не меняется и свежесть восприятия не утрачивается.

Однако, вот ведь закавыка и хитрость какая: уже сейчас, во вроде бы абсолютно свободном культурном контексте современного социума наблюдаются свои смысловые и понятийные препоны и запреты, пока еще неявные, но знаемые и даже считаваемые развитым за долгие годы, а также и унаследованным социальным чутьем и сознанием, приученным читать между строк и домысливать «что на самом деле», не обращающим внимания на навязчиво декларируемую и яростно отстаиваемую в случае несовпадения установок, все ту же набившую оскомину свободу. Видимым ее критерием провозглашается принцип демократии, давно уже превратившийся в магическое заклинание, в некое «Сезама» нашего времени. В целом же современный человек несвободен по определению, зависим (взять хотя бы одну из большого числа могущественных зависимостей нашего времени: те же СМИ и МК), более того, он попросту не знает, что же ему делать со свободой, своей, личной, и должен к чему-то притулиться. Лучше всего – к привычному столбику единообразия. А то ведь разнесет и уже разносит людей по кочкам плюрализма. Но вот уже скоро, вот-вот утвердится, пока еще только брезжащий и до боли знакомый принцип «кто не с нами – тот против нас» социалистического толка, со своими препонами и запретами – как это и происходит сейчас на Западе (он ведь нам во всем пример, как тот пионер, и с него мы и берем примеры и образцы наших пониманий и действий), где в контексте фетиша демократии формируется запрет на государственном законодательном уровне на всякого рода осуждение все тех же ЛГБТ, педофилии, свободы потребления наркотиков и другие способы жизни и поведения в социуме, испокон века считающихся аноми-, отклоняющимся и опасным как для отдельной личности, так и всего общества. Но, похоже, традиция не указ. Тем более неактуален моральный аспект. И опять в голову приходит мысль о стремительной утрате человечеством инстинкта социального, как минимум, самосохра-

нения, впадшим не в детство – нет, а в некое подобие старческого слабоумия, за которым, как известно, следует медленное и мучительное умирание¹.

Процесс также глобализируется, и очень скоро за осуждение любого аномиповедения недолго будет и в тюрьму сесть – прими эта часть свободы и толерантности западного образца законодательный характер. И тогда круг тотального свободомыслия и плюрализма замкнется в который раз, но уже по-новому. По глобальному и тотальному! А весь идеологический плюрализм нашего времени сведется к тому же принципу «кто не с нами...» по логике все того же, к счастью неотменяемого и не поддающегося модернизации, универсального диалектического закона Гегеля (поскольку объективно имеет место быть!) отрицания отрицания, – только, как и положено по нему, – на более изощренном уровне. А сам принцип управления толпой един и неотменяем, и механизм его действия один и тот же – и при тоталитаризме, и при плюрализме.

На основании именно такого феноменологического понимания проблемы перейдем непосредственно к анализу механизмов создания и обеспечения лингвокультурологического контекста бытия современной толпы и выявим собственно роль языка и изменений в нем в процессе плюрализации сознания в перестройку и после нее. Еще раз оговорим, что круг наших интересов ограничивается проблемой «соотношения языка и социума» только в отечественном социокультурном и коммуникативном пространстве.

Рассматриваться будут отдельные единицы языка с последующими трансформациями в их исходной этимологии, на основании анализа которых прослежено изменение самого смысла слова через выхолащивание его старого смысла и придание ему нового, доселе ему несвойственного, формирующего за счет этого соответственное общественное сознание. По аналогии с биологией, это похоже на механизм создания генетически модифицированной сельскохозяйственной продукции, поскольку и в слово так же встраивается нужный ген, в нашем случае – требуемый смысл, код, клише. Последствия подобной модификации непредсказуемы и, скорее всего, необратимы. Попробуем доказать.

Переходя непосредственно к современным реалиям проблематики толпы – время отдачи прямых команд в управлении ею ушло безвозвратно. Нынче используется иной, более тонкий и скрытый механизм воздействия на нее, хотя и основанный все на тех же смысловых подменах. Однако, поскольку, очевидно, что требуемый тотальный плюрализм

¹ В Англии выпускается колбаса в форме разных частей человеческого тела. Поедание ее, в том числе и детьми, очевидным образом, вводит в культурный оборот идею каннибализма. В самом деле, не все же Л. Кавани снимать нежные фильмы о нем.

всех и вся никоим образом не может быть обеспечен посредством прямых лозунгов, плакатов и деклараций, некогда обеспечивающих единое сознание и мирочувствование социалистических масс, постольку нужен новый модернизированный (наконец это заветное слово нашло свое место и в нашем тексте!) механизм воздействия на толпу, с учетом, одновременно, специфики именно отечественного субстрата единого социального сознания. Механизм его формирования, отработанный до мельчайших деталей, в наше время тысячекратно усиливается воздействием мощнейших, принципиально новых цифровых технологий, средств и способов управления социумом.

Итак, в наше время пресса и вся жизнь страны более не полны лозунгов, тотально однообразных и обязательных, призывающих «здравствовать», «достигать», «догонять и перегонять». Но соответствующее общественное сознание, сформированное за 70 лет советской власти, осталось в социальном наличии нынешних времен. И когда на него обрушилась лавина плюрализма самых разных мнений, концепций, ценностных установок и трактовок, замешанная на идее обязательной толерантности ко всему, столь же обязательной, оно, по крайней мере, растерялось и стало кидаться от одной – конечно же – своей идентичности к другой, послушно поглощая все предложенные варианты, раздваиваясь, растриваясь и расцветверяясь, попутно теряя свою целостность, которая, как мы выяснили в первой части, уже была нарушена в былые советские времена. И в этом смысле сознание так же было готово к дальнейшей своей ризомизации. Как следствие можно утверждать, что и здесь преемственность с советским шизоидным сознанием не только сохранилась, но приобретает в данное время все более устрашающий по масштабам неадекватности, множественный, плюралистический характер, и на более массовом уровне. Все по тому же закону Гегеля, согласно которому, отрицая тотальную, нарочито декларативную социалистическую лозунговость, новые либеральные идеологи создали свою, более изощренную, незаметную, а потому – могущественную. В самом деле, красные транспаранты с белыми призывами заменены растяжками – сегодня про Новый год с Рождеством, а завтра про «Билайн» – всё едино.

Речь, конечно же, идет о наличном населении, а не о народе в целом, сохраняющем в своем сознании высокие духовные и моральные константы многих поколений, проверенные временем, не нами придуманные, освященные верой в Бога. В некритическое же послушное сознание населения усиленно насаждается тот самый обязательный плюрализм, сразу и во всем, порождающий и формирующий его тотальную шизоидность. Иными словами, социалистическое идеологическое единство и единение отдельного человека со все-

ми членами общества нынче сменилось всеобщим же плюрализмом, то есть, по сути, опять же социальным единением, но уже не на формально идеологическом, а на гораздо более низком уровне обыденного сознания, послушно (уже воспитано) поглощающего все подряд и в той именно последовательности и трактовке, какие предложены. Ведь суть сознания постсоциалистического человека не изменилась в ходе перестройки и сохранила, как мы выяснили, тесную преемственную связь с сознанием человека социалистического. И что самое печальное, – человек этот еще более одинок в плюралистической толпе, не объединенной даже скрепами единой идеологии.

Уже отмечалось, что могущественные, царящие всюду и везде, идеологические лозунги-заклинания советских времен, прямо призывающие к тому или иному действию («да здравствует», «слава!», «выполним и перевыполним», «достигнем и догоним, а потом и перегоним...») ушли, но куда? Ведь такой, как сейчас принято говорить, ресурс, бьющий напрямую по сознанию, нельзя не использовать. Вскоре он и был оприходован и ушел, обернувшись, кто бы мог подумать, рекламой (в самом деле: не дай себе засохнуть! Голосуй или проиграешь! – что неважно, а за кого – укажем...). Это приказной вариант. Либо же мягкий вариант – (в человеке все должно быть прекрасно и далее по классическому тексту, но – в качестве еще одного последнего атрибута после прекрасной души через запятую идет, очевидно, столь же прекрасная, сумка, которую и рекламируют). То есть лозунги приобрели совсем другое назначение и употребление. Приходится признать, что советский лозунг пал жертвой использования советской привычки к лозунговым клише, оставшись в постперестроечном языковом обиходе как один из способов управления толпой преимущественно в части потребления. Ценный ресурс используется именно за счет сохранения механизма преемственности.

Каждое время необходимо создает соответствующий «своим велениям» языковой и не только (есть еще музыкальный и другие) контекст общества. Лингвокультурологические характеристики нашего времени являют собой любопытную картину трансформации современного языка, а через него – сознания и общества.

Лингвокультурологические загадки и психолингвистические задачи генетически модифицированных слов эпохи глобализации

Перейдем от лозунгов к отдельным словам и их воздействию на массовое сознание, формирующему его новые смысловые константы. Попробуем выявить хитрый этот механизм на нескольких, наиболее очевидных и репрезентативных примерах непосредственно из языка эпохи перестройки и вплоть до наших дней, не вдаваясь, сразу оговорим, в специ-

ально лингвистическую проблематику, а лишь по заявленной в первой части статьи методологии следования логике развития рассматриваемого предмета, то есть его феноменологии.

Особый интерес здесь представляет рассмотрение культурологического аспекта способов и механизмов действия особых слов-перевертышей и подмен в современном русском языке. Феномен этот проявляется в явной смене смысла, а в лучшем случае – смысловой переакцентировке того или иного заезженного или кардинальным образом «переназванного» слова, на необходимое время полностью сменившего свой смысловый статус за счет все той же культурной подмены, но уже – в языке. В особенности – языке для толпы, а, точнее, для управления ею. На самом деле это и есть процесс ризомизации в языке, иначе – замена смыслового корня слова чуждой ему ризомой-корневищем с самым непредсказуемым смыслом.

К сожалению, это не сразу заметная, однако едва ли не самая серьезная подмена в современной культуре, в дальнейшем имеющая весьма зловещие последствия, как для нее, так и для общества в целом, поскольку работает напрямую с сознанием. Попробуем продемонстрировать это.

Язык в целом формирует сознание, далее самосознание, а в итоге и самоосознание не только отдельного человека, но и общества в целом, а по большому счету – само смысловое поле определенной эпохи. Очевидно, что постмодернистские ризомные игры с культурой и языком, ведущие к расщеплению всех трех составляющих сознания, начинаются с единицы языка-слова. Переходя непосредственно к рассмотрению феномена придания слову сколь неожиданного на первый взгляд смысла, столь же и неслучайного, следует рассмотреть эти метаморфозы в общем контексте социокультурных трансформаций современности.

Наиболее ярко феномен замены-подмены смысла в слове проявился в скромном «совке», означающем неприязательный, однако вполне необходимый в быту предмет, предназначенный собирать мусор. И вдруг, как мы помним, в расцвет перестройки он приобрел едва ли не глобальное значение и употребление. Во-первых, потому что кардинально был изменен его смысл – отныне совком величают великую державу, а множественным числом – «совками» – ее жителей, то есть всех нас. Во-вторых, из-за тотального употребления его в любых текстах и контекстах того времени. А с каким упоением, а нередко и с готовностью к самоуничтожению, оно употреблялось не в меру «продвинутой» и по самоназванию самой креативной (любимое слово!) частью отечественной интеллиген-

ции. На то время задача была такая. А раз огромная страна означена как совок, то население, составляющее ее, очевидным образом являет собой не совки, а мусор – по определению, исходя из изначальной этимологии самого слова, его смысла. Замешанная же на закваске псевдоидеи, так в итоге и не обозначенного и непроясненного и очень скоро забытого за ненужностью, всенародного покаяния в геноциде, осуществлявшемся тоталитарной властью, квашня «совка» превращала людей страны уже даже и не в мусор. То есть его модифицировали, в слово был вживлен другой смысл, заменивший старый новым наполнением, «опустив» людей и всю страну, как это принято говорить сейчас – (термин, как известно, уголовный, но в наше время вполне принятый разве только не в официальном языке). Как же тут не вспомнить генную инженерию, отважно модифицирующую генетику того или иного организма, вживляющую в него инородный ген для «насушенных» потребностей человечества. Опять эта биология, но нельзя не признать, что механизм один. И там, и там последствия вполне непредсказуемы, а поскольку речь идет о генетическом вмешательстве, скорее всего необратимы. «Безумству храбрых поем мы»... нескончаемую песню! Возвращаясь к «совку» – когда смысловая подмена свою задачу выполнила, иными словами была внедрена в сознание масс, он вместе с «покаянием» и «милосердием» вдруг как-то исчез, приняв в языке свое прежнее значение, а соответственно и назначение. Но в сознании, она, конечно же, осталась, заодно и раздвоив его по крайней мере в отношении к бедному совку, придавшему столь унижительный статус целому народу, превратив его сразу и весь в таком значении в толпу, а можно и быдло. Но ведь мусор. Таким образом, задача новой идентификации населения была выполнена. Рожденные «сказку сделать былью» одним только словом превратились в... – не будем повторяться. Но заметим, и та, и другая ипостаси выражены в словах. Просто в случае с «совком» в слово был вживлен другой смысл, его модифицировали.

Сквозную неопределенность перестроечного бытия следовало определить и закрепить в массовом сознании. Эту задачу выполнило вездесущее, годное на все случаи жизни того времени «как бы», обозначающее подобие чему-то, вполне определенное, но незначительное. И вдруг, оно приобрело универсальное значение в словоупотреблении перестроечной и постперестроечной эпохи, точно обозначив основной симптом ее духовной болезни, став определенным ее кодом. В самом деле, все вокруг – события, действия, чувства, мысли и намерения человека, да и общества в целом стали вдруг «как бы». Собственно сама жизнь стала «как бы», будучи вывернутой наизнанку, а потому – нереальной. Оно, – это слово долго царствовало в неопределенное смутное безвременье, полностью соответствуя

его духу, навязчиво «встревая» во все поры социальной и индивидуальной жизни, коммуникаций в ней, на этот раз напрямую обозначая сам феномен подмены, нагло царящей в обществе.

Однако время широко раздекларированной катастрофической перестройки и ее перемен закончилось и, наоборот, совсем незаметно наступило постперестроечное время подмен, незаметно, как и полагается подменам. Именно поэтому «как бы» стало вторым ключевым словом, если не символом эпохи. Но опять: на время! В означенный срок сошло со сцены и оно. Язык ведь самый чуткий камертон здоровья общества.

Технологии языковой модификации и зомбирования новыми смыслами старых слов становились все более изощренными. И на смену «как бы» пришел вроде бы и вовсе невинный предлог «о». Он также проник во все поры языка, разговорной и официальной речи. По правилам грамматики «о» идет в паре со словами, которые выстраивают с ним определенное действие, преимущественно рефлексивного характера – «говорить о» -, «думать о» -, «рассуждать о» -, «беспокоиться о» - и т. д. В эпоху перестройки с «о» также произошла некая на первый взгляд не совсем понятная метаморфоза, приведшая его к совсем иным словам, по смыслу вовсе не нуждающимся в нем. Вопреки правилам грамматики – оказывается возможным «обсуждать о», «расследование о», «претендует о», «понимали о том», «не скрывали о том», «касается о выборах». Это все цитаты из прессы и официальных выступлений и даже из научной литературы. К сожалению, это не просто неграмотность, хотя и она имеет место быть в нашей нынешней жизни. Здесь мы имеем дело с тем же механизмом модификации генетики слова и смысла, социально- и культурно- значимым симптомом времени, а через него и всего перестроенно-перестроечного общества. Секрет в случае с «о» заключается в модальности его употребления. И, в самом деле, – одно дело обсуждать предмет, а другое – обсуждать «о предмете», претендовать на что-то или претендовать о (!?) и т.д. Иными словами, если вдуматься, во всех приведенных случаях собственно самого предмета, как такового, и нет, а есть только принципиально иная его модальность – «о» нем, «о» предмете (да простят великие филологи-русисты прошлого приведенные нами жуткие цитаты из современного общеупотребительного, иначе не назовешь, языка). Однако если вспомнить феномен профессионального дилетантизма успешных менеджеров нашего времени, о котором говорилось в 1-й части (см. статью А.А. Захарян «[Человек толпы. XXI век](#)» // *Культура в современном мире*. – 2013. – № 3), то все становится на места, поскольку дилетант по определению не может рассматривать, анализировать, обсуждать собственно предмет, а вот «о» нем – может. И тогда все становится на

свои места, и могущество безвинного предлога становится вполне объяснимым и закономерным. Язык и его внутреннюю логику ведь не обманешь, поскольку они являются точнейшим камертоном трансформаций в обществе, коверкающих слово на потребу дня. К сожалению, это общее место в современной отечественной языковой ситуации, наиболее адекватной общей социокультурной. Как видим, работа идет всесторонняя и по всем направлениям.

Строго следуя логике механизма понижения самого смысла подмен, далее вдруг «как бы» сам по себе возник «блин» в качестве эвфемизма-заменителя матерного слова. Общеизвестно, что в русской культуре и языке помимо обыденного употребления слово «блин» имеет еще и сакральное значение. И вот именно оно, это слово и пригодилось в качестве еще одной, но весьма серьезной смысловой подмены наших времен, вторгшейся в область сакрального, вживившей в него уже матерное значение. То есть и здесь следует констатировать извращение и кощунственную подмену теперь уже не только смысловой нагрузки слова, но и его статуса, тем самым и языка в целом. И в самом деле, любимое народное кушанье и означение светила в русском сакральном контексте являет собой в наше время

нестыдливую замену мата, что само по себе уже есть непосредственный выход на прямую работу с сознанием, его глубинными, мифо-поэтическими, архетипическими структурами. Соответственно, в данном случае мы уже имеем дело не с игрой со смыслами, о которой писалось выше, а с прямой подменой, в итоге коверкающей, извращающей глубинные структуры национального самосознания. Этот же зловещий механизм десакрализации значения слова путем модификации его смысла наблюдается и в случае заимствования из другого языка. На этот раз всё гораздо жёстче, поскольку – либо по незнанию истории или же невозможности точной идентификации – речь идет о слове "хач", заимствованном из армянского языка. Естественным образом, мало кто знает, что слово это вот уже много веков обозначает крест, а

Ил. 4. Хачкар

«хачкар» - крест-камень, имеющий сугубо сакральный смысл (изначально хачкары служили у армян надгробными камнями, а также аналогом икон). Зато теперь известно, что хач,

или же хачик (уменьшительная форма имени хачатур (данный крестом), в обиходе низкоповседневного русского языка и соответствующего ему обыденного сознания обозначает смешение в одну кучу всех оптом - и мусульман и христиан определенного региона с негативно-агрессивным оттенком отношения к ним. Лица одним словом... Случайно ли вброшено святое для каждого христианина понятие креста в языковой обиход в столь негативном социокультурном контексте? Вряд ли. Уж больно точное попадание. Налицо еще один, языковой, генетически модифицированный продукт с далеко идущими социальными последствиями... Впрочем, это всего лишь отдельные этапы одного процесса – умерщвления языка, разрушения его структуры, а затем и самого сознания. Игра на понижение последовательно продолжается.

Да и само матерное слово вполне узаконено в современном языке. Ну не официально, но матерком может запустить и государственный деятель. Представляют интерес, в контексте нашей проблематики, исследования биофизиков феномена кирлинга, когда употребление матерных слов вызывает устойчивые нарушения как в сознании, так и психике человека. Это наиболее яркий пример негативного, разрушающего действия матерного слова вызывает измененное состояние сознания. Самое уязвимое звено здесь – дети, их неокрепшая психика. Ясно, что непотребные слова, впечатываемые в сознание ребенка, культивируют в нем агрессию, психологию цинизма и вседозволенности. Собственно, с матерным словом дети зачастую и вырастают. Кто сизмальства – в родном доме, кто попозже – на улице. Редко пройдешь мимо подростков, не услышав мата, ставшего речевым обиходом. Как тут не вспомнить нашумевший выпуск «проекта» «Культурная революция» бывшего доблестного министра культуры Швыдкого, специально посвященный мату и его позитивной роли в обществе. В общем контексте широко заявленной перестройки и модернизации всех сфер бывшего социалистического социума надо ведь как-то культурно революционизировать и все аспекты его культурной жизни и, в первую очередь, языка. К тому же «ящик» тогда был швыдким. Однако проект продолжается, кропотливая работа по модернизации всего в культуре идет и по сей день. Но это в сторону.

Вернемся к слову. Мы наблюдаем также удивительный феномен продолжения в наше время преемственной связи с такой «традицией», а в 20-е годы прошлого века еще только новацией в русском языке как аббревиатуры. От вполне официальных, в основном названий учреждений: МЕЖРАБПОМ, Наркомпрос, Культпросвет, ГУЛАГ (можно составить большой словарь сокращений в русском языке той поры и такие справочники есть), сознание постсоветского человека, вполне привыкшее за 70 лет к аббревиатурам, плавно

перешло в реалиях современного языка, например, к ЛГБТ и РПЦ. Последняя аббревиатура означает, как известно, великую церковь с тысячелетней историей огромной страны, что само по себе уже кощунственно, по крайней мере. Более того, эти две аббревиатуры вполне могут встретиться в одном предложении, если речь идет, например, о позиции Русской Православной Церкви в отношении к тому, что стыдливо обозначается как ЛГБТ – сексуальным меньшинствам. И выполняют эти аббревиатуры в отношении «своих» понятий вполне разные задачи: а именно – если «ЛГБТ» предварительно легитимирует и социализует сам феномен, то «РПЦ» сводит главную церковь великой страны к уровню какого-нибудь учреждения в том же общественном мнении и сознании, попутно почти сравнивая их значимость и ставя на один уровень.

Можно предположить, что изначально в начале революции аббревиатуры использовались как язык для посвященных, а также с целью смешения понятий и слов в головах бедного пролетариата. Для уха его, привычного к мелодике звучания молитвы, уродливые звуко сочетания из четырех согласных наподобие ВДНХ, конечно же, звучали пугающе, а, скорее всего, и кощунственно. Но тогда это была явь нового времени. Справедливости ради следует отметить, что потом, когда страна уже установилась, аббревиатурный восторг спал, став, в основном, частью официального и канцелярского языка, их средством общения. И вдруг в наше время опять пышно расцвел (или зацвел?). И где? Не в канцеляриях, официальной переписке и циркулярах – нет, а преимущественно в доблестной отечественной журналистике. Широко и со вкусом использующей их. А затем и в обыденном сознании, послушно и привычно (сказывается семидесятилетний навык) принявшем новые аббревиатуры в употребление. И тут становится очевидным, что эти языковые злокачественные новообразования появляются именно в смутные времена, выполняя свои, уже вполне опробованные роль и задачу – скрыть за абсурдными звуко сочетаниями абсурдность устройства самой жизни времен перемен. И в этом смысле преемственность с советскими временами вполне сохранена.

Изменился и сам строй языка. Редко встретишь правильное «управление» и «согласование» не только в разговорной, но и официальной речи и даже в научной литературе. Соответственно нарушается и ход рассуждений, вернее, он так же как и с отдельными словами приобретает иной контекст, зачастую вполне бессмысленный. Может показаться, что здесь мы имеем дело с банальной неграмотностью. Однако, если вспомнить наших современных дилетантов в роли профессионалов – «успешных менеджеров», то все станет на свои места... Поскольку это их язык.

Помимо смысловых подмен в принятом словоупотреблении мы наблюдаем вдруг рождение доморощенных слов, понятий-новообразований, придающих в контексте требований текущего времени, вполне принятым в языке словам крайне негативный оттенок. Соединяя некие принятые фразеологические единицы «селекционеры» получали нечто невразумительное и потому, как ни странно, работающее с точки зрения воздействия на массовое сознание, понятие. Наиболее яркий пример: сочетание таинственного, но очень ругательного в недавние совсем времена гибрида «красно-коричневые» (именно во множественном числе – так тревожнее) со святым во всех странах «патриотизмом». Кончилось дело тем, что принадлежность к последнему, потом уже и без вышеозначенного цветообозначения, стала почти что, в лучшем случае, неприличной и ругательной. Справедливости ради следует отметить, что нынче «патриотизм» реабилитирован и быть патриотом можно и даже нужно. А монструозные «краснокоричневые» исчезли из языка также внезапно, как и возникли (очевидно, выполнив свою оперативную идеологическую задачу). Селекция новых слов идет по мере необходимости. А насаждаемые путаница и самые разнообразные подмены в языке соответственно порождают сумятицу в головах.

Как итог, **можно констатировать феномен отчуждения от родного языка, выхолощенного, сведенного к минимуму употребления его единиц и максимально отдалённого от своего носителя, как отдельного, так и толпы в целом.**

Нечто подобное происходит и в науке. В ее языковое поле вводятся термины, как правило, заимствованные и которые можно определять и истолковывать до бесконечности. В наше время к таковым следует отнести в первую очередь «гендер», «толерантность» и «идентичность» – ягодки, составляющие одно смысловое поле, потому что до сих пор неопределенный ни философски, ни по другому гендер требует определения себя и своей идентичности, которая в свою очередь, утратив самое себя, неизбежно обращается и вопиет о всяческой «толерантности» по отношению к себе. А как иначе: в культуре прошлого проблема идентичности не стояла на повестке, поскольку черное обозначалось черным, мужчина – мужчиной, смерть – смертью. А сейчас смерть может пониматься как жизнь, черное обернуться белым, мужчина – женщиной. А раз так, то утрачивается исконно-посконная, данная природой или культурой в зависимости от предмета или признака идентичность. Которую надо то ли искать, то ли определять. Наверное, лучше обратиться к толерантности, которая как истинная гуманистка примет новую идентичность, а заодно и гендер. Родственники всеж! В понятийной тесноте, да не в обиде. Ведь ягодки с одного плато, как бы определил главный Постмодернист! Подобных фантомных понятий в совре-

менной философии много. Круг неопределенности слов, понятий терминологии замыкается за счет наложения одной неопределенности на другую и наоборот. Так и образуются понятийные и другие ризомы в точном соответствии с философией Делеза-Гваттари. Сначала в голове, а затем в социуме, культуре.

Еще один **показательный языковой феномен нашего времени: переход того или иного термина из научного языка в сферу обыденного сознания.** В былые времена научная терминология самим предметом своим традиционно была отделена от обыденного словоупотребления и сознания, будучи в конечном итоге профессиональным языком. Грубо говоря, каждый сверчок знал свой профессиональный шесток, по крайней мере в языке. Теперь иначе. Теперь парикмахерша, причесывая свою клиентку, может сказать «он был в неадеквате». И ее собеседница поймет, о чем идет речь. То есть, слово перескочило из инструментария научного языка в обиход обыденного, нарушив границу между ними, размывая свои смысловые определенности и наращивая путаницу в сознании. В самом же языке нарушается смысловая иерархия и субординация. Тем более что и, наоборот, в официальный и даже в литературный язык проникают слова из вполне обыденного обихода. Вплоть до мата. В связи с этим весьма показательна глубокая скорбь разного рода отечественных окололитераторов в связи (конечно же, в связи!) с президентским указом последних дней о запрете употребления нецензурных слов. И в самом деле «трудно высказать...». А еще труднее не высказать. Да и как иначе выразить?

К процессу опрощения языка безусловно следует отнести и изменения мест ударений в словах. Например, «облегчить» с ударением на «Е» как принято у юристов. А сейчас будет и уже принято у всех. Действительно, смена ударения в слове, как правило, является никак и ничем не мотивированным заимствованием из определенного профессионального языка, что также является еще одной формой смешения всего и вся в языке, а через него – в индивидуальном и социальном сознании. И если в профессиональном языке юристов осУжденный получает свое ударение на «у», то в обычном – осуждѐнный – на «Е» по определению в языке, как грамматическому, так и смысловому, поскольку здесь это слово означает гораздо больший спектр смыслов, а соответственно и обозначений. Но нет возможности удержаться от горького каламбура: он осуждѐн быть осУжденным на «у» во всех случаях горькой своей жизни. Так происходит последовательный процесс системного опрощения великого языка.

Потом уже виртуалитет, используя свои все более мощные «возможности» доведет этот похоже необратимый процесс извращения языка, а через него и сознания до логиче-

ского конца, когда для «человека массовидного» XXI века останется для употребления, именно для употребления, пресловутый албацкий язык людских приставок к компьютеру. Мы привели лишь несколько наиболее значимых примеров процесса игры со смыслами в языке. Последствия его будут необратимы и в очень скором времени станут очевидными во всей своей катастрофичности, поскольку, как мы знаем, язык наряду с традицией и верой является основополагающим фундаментом любой культуры.

В контексте же вполне явственного процесса исчезновения из языкового обихода огромного массива слов, обозначающих основополагающие традиционные моральные ценности – таких, например, как любовь, вера, совесть, подвиг, милосердие (успешно затертое в период доблестной перестройки – (см. статью А.А. Захарян «[Человек толпы. XXI век](#)» // *Культура в современном мире*. – 2013. – № 3), отвага и множества других, – можно смело утверждать, что процесс «перестройки» языка, который «пошел» еще с тех самых времен перестройки социальной, последовательно завершается. **Выхолощенный язык современности превращается таким образом преимущественно в инструмент управления толпой, в значительно меньшей степени, сохранив свою сугубо утилитарную коммуникационную составляющую, пригодную лишь для обиходного пользования** (наконец мы вышли на это ключевое для современного языка слово!). Наиболее яркой иллюстрацией этой тенденции пользования языка являются дайджесты – выжимки из классических произведений литературы для одноразового натаскивания школьников к одному из новообразований нашего общества, называемому ЕГЭ, не имеющему ничего общего с самим образованием, обрекающим младое поколение никогда не познать радость приобщения к великой русской литературе, никогда не рефлексировать по поводу тех или иных ее сюжетов и коллизий, а самое главное – лишаящему их всякой возможности высокого наслаждения красотой Слова и языка, выродившихся лишь только в прикладной инструмент для пользования.

Как это ни странно звучит, но это итог и одновременно оборотная сторона тех самых интеллектуальных игр доблестной философии постмодернизма, скрещенной с «закомплексованным» даже и по предмету своему психоанализом, игр с языком, словами, смыслами и толкованиями традиционной культуры, соответствующих концепции «ризомной», а потому (так хочется думать ее создателям) высоколобой культуры для избранных. При этом с течением времени становится все более очевидным, что изначально и философическая рефлексия модернизма была придумана в свое время для разрушения традиционной культуры, начатого, справедливости ради отметим, еще энциклопедистами, зо-

вущими назад к природе и одновременно возводящими в фетиш так называемый прогресс так называемого человечества, ибо кто же нам даст точное определение его – столь многообразно оно и до сегодняшнего дня, несмотря на титанические глобалистические усилия лучшей, конечно же лучшей, по самоназванию, его – человечества части, помноженные на сумасшедшие возможности современного виртуалитета. Таковы реалии преосуществления преемственности идеи прогресса, в том числе и в культуре, от философии Просвещения через модернизм к постмодернизму.

Однако это отдельная, очень серьезная, имеющая вполне онтологические последствия для судеб человечества, проблема, не входящая в аспект нашего рассмотрения, требующая, тем не менее, пристального внимания, философской рефлексии, анализа и выводов, если мы хотим выйти из глобального тупика, в который человечество загоняет само себя почти что и добровольно. Ему как будто бы уже и Ганс-крысолов не нужен. Но дочка его поет...

Сведения об использованных иллюстрациях:

Иллюстрация содержания (автор Кейт Гринуэй) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://img.uforum.uz/images/ghlkwx9009369.jpg> (дата обращения: 11.06.2014).

Ил. 1. Иероним Босх «Несение креста» (фрагмент) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.liveinternet.ru/community/1726655/post82305045/> (дата обращения: 13.04.2013).

Ил. 2. Джеймс Энсор «Автопортрет с масками» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://cp12.nevsepic.com.ua/83/1350252290-1899-james-ensor-ensor-aux-masques-ou-ensor-entourg-de-masques-ensor-with-the-masks-or-ensor-surrounded-by-masks.jpg> (дата обращения: 11.06.2014).

Ил. 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.artmedal.net/pics/perl4.jpg> (дата обращения: 11.06.2014).

Ил. 4. Хачкар [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/c/c4/Khatchkar_at_Goshavank_Monastery_in_Armenia.jpg/640px-Khatchkar_at_Goshavank_Monastery_in_Armenia.jpg (дата обращения: 26.06.2014).